

ИЗМЕНЕНИЕ УСЛОВИЙ КАЗАЧЬЕГО ТРУДА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.*

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы становления в казачьих регионах Юга России капиталистических методов ведения хозяйства и распространения рыночных отношений в период после Великих реформ, вызвавших значительные изменения в характере казачьего труда и психологии земледельца-казака.

Ключевые слова: казак, военно-служилое сословие, социальное расслоение, модернизационные процессы.

В пореформенный период в социальной и экономической жизни российского Юга происходят перемены. Коренным образом стал меняться веками существующий ритм трудовой деятельности, характер казачьего труда, его повседневной жизни. Как отмечает Е.В. Величко, зачастую «казачество представлялось слоем привилегированным и как бы «виноватым» перед остальными группами населения. Само казачество думало по-иному. Имея «привилегии», казачество дорого платило за них длительной военной службой. «Раздвоение» на землевладельца и воина в условиях развития товарно-рыночных отношений становилось все сложнее» [1, 38].

Казачество как один из самых консервативных слоев российского общества не могло не ощутить происходящие изменения в различных сферах своей жизнедеятельности. Исследователь Л.Б. Заседателева отмечала, что появилась официальная частная собственность на землю, признаваемая юридически и общиной и государством (частновладельческие земли, выдаваемые казачьим офицерам). С появлением сугубо частных земельных владений в станицах появились группы лиц, которые были и членами станичной общины и частными собственниками пожалованных им земель. Эти юридически оформленные наделы, стоящие вне общины, отличались от развившихся внутри самой общины форм частновладельческих родовых земель, признаваемых общиной, но не оформленных юридически государством, что сковывало поле деятельности нарождавшейся станичной буржуазии. Община продолжает выступать как коллективный собственник земель, сенокосов, лесных участков, пастбищ, водных источников и общественных сооружений. И поскольку казачество было военным сословием в государстве, казачье землевладение тоже носило сословный характер, что и определяло его специфику [6, 253].

Первоначально влияние масштабных преобразований начавшихся в российском обществе с 1861 г. на казачий социум не было столь заметным. Сохранялись в неизменности многие традиционные занятия населения казачьих областей. По-прежнему сеяли озимую пшеницу, рожь, ячмень, просо. Выращивали арбузы, подсолнечник, капусту, огурцы. Продавали хлеб [12, 570]. В зимнее время несколько десятков человек занимались рыбной ловлей в Тереке. Ловили красную рыбу, продавали и рыбу и икру. Так средняя цена за пуд составляла 4 руб. [12, 571].

Изменения в характере казачьего труда происходили постепенно. Тем не менее, в этот период он приобретал черты, которые отражали политические, социальные и экономические перемены, происходящие в российском обществе. С одной стороны они представляли собой последствия происходящих в российском обществе нововведений, начавшихся после осуществления Великих реформ, а с другой, были тесно свя-

* © Акоева Н.Б.

занны с традиционными формами казачьего труда, существующими на протяжении столетий, их консервированием на протяжении всего периода истории южно-российского казачества.

Казачество российского Юга вследствие поступательного развития рыночных отношений в регионе частично утратило свое монопольное право на распоряжение землей и право на ее обработку и исключительно автономное определение экономической деятельности. Это обстоятельство существенным образом меняло характер казачьего труда, его социально-экономические основы, оно в некоторой степени подхлестывало экономическую конкуренцию и хозяйственную активность казачьего населения на российском Юге. Следствием этого стала возросшая заинтересованность казачества в собственном труде, стремление получить от него как можно большую отдачу.

С другой стороны представители казачества, как и других слоев российского общества, стремились к большему материальному благополучию, к накоплению материальных средств и ресурсов. Существенно усилилось и желание казачества самостоятельно, без участия других социальных групп и слоев, владеть и распоряжаться имеющимися земельными и другими ресурсами.

Казак хотел самостоятельно пользоваться продуктами и результатами своего труда. Это обуславливалось воззрениями казачества на смысл и характер трудовой деятельности, традиционной замкнутостью казачьего мира, его исключительного положения как защитников и воителей земли русской, его недоверием ко всему тому, что находится за пределами его собственной казачьей общины.

Все другие общественные слои и иные социальные миры казак воспринимал на протяжении столетий зачастую как враждебные, стремящиеся незаслуженно и несправедливо воспользоваться результатами его ратного и земледельческого труда. В особенности это относилось к иногородним, «пришлым», по отношению к которым казачество имело стойкое недоверие, обусловленное постоянным притоком неказачьего населения в области, населенные казаками, «вмешательством» иногородних в казачью жизнь, их желанием, как считали казаки, воспользоваться результатами их труда в процессе освоения и заселения края.

Особенно этот психологический настрой казачества усилился в начале XX в., когда данные изменения стали особенно явными. На одном из полковых собраний казаков Кубанского казачьего войска его участники приняли резолюцию, что «вся казачья собственность должна остаться неприкосновенной, и ни одна самая малая часть земли, добытая кровью наших предков, не может быть не под каким предлогом отчуждаема, даже войсковым кругом, а все казачьи земли, ранее отчужденные у казаков, должны быть им возвращены».

В рассматриваемый период получаемые казачеством доходы должны были дать ему возможность прокормить свои семьи, материальную независимость от внешних явлений и факторов, и одновременно обеспечить преемственность укоренившихся в казачьем социуме аграрных отношений, социальных связей, общинной организации. Так, в 1913 году казаки сдавали земли в аренду, брали посаженную плату с иногороднего крестьянства, плату за мосты и переправы, места на базарах, питейные заведения. Распоряжение этими доходами должно было обеспечить сохранение традиционных форм жизнедеятельности казачьего сообщества [10, 55].

Развитие капиталистических методов ведения хозяйства и распространение рыночных отношений в период после свершения Великих реформ вызвало значительные изменения в характере казачьего труда и в психологии земледельца-казака. Главным из них стало усиление собственнических настроений, которые, впрочем, всегда были

сильны в казачьей среде. В пореформенный период казачья община начала разлагаться. С одной стороны, земля концентрировалась в руках богатой казачьей верхушки. С другой – росло число безземельных казаков. По данным Всероссийской переписи 1897 г., 5,2% хозяйств существовали за счет работы по найму, а к концу 1916 г. их уже стало 10,3% [9, 331].

Важным фактором в процессе распространения собственнических настроений в казачьей среде стало и возрастание эффективности индивидуального труда, его производительности. Все это приводило к появлению у значительной части казачества желания вести хозяйство самостоятельно, получая от реализации его продуктов все большую прибыль. Так, например, к началу XX в. казаки повсеместно требовали увеличить их земельный пай за счет войсковых земель.

Вместе с тем, в процессе постепенного изменения самой сути экономических отношений на российском Юге, методов ведения хозяйственной деятельности, возникло стремление казачества к локализации и изоляции собственной трудовой деятельности от других социальных слоев и этнических групп, также проживавших в регионе и большей частью переселившихся в него из областей центральной России, а то и к существованию за их счет. Так, например, «решением казачьих сборов на иногородних были переложены и казачьи повинности – подводная, постоянная и другие. Горцы также отбывали дорожную и квартирную повинности. Таким образом, иногороднее население принудительно участвовало в содержании сословной казачьей организации. Правительство поощряло такое отношение казаков к иногородним и горскому населению. С точки зрения казачества иногородние лишь пытались присвоить себе результаты казачьего труда направленного на освоение края. Администрация, охраняя сословные привилегии казачества, постоянно ограничивала права невойскового сословия в экономической, политической и социальной повседневной жизни.

По мере изменения сложившихся на российском Юге в пореформенный период социально-экономических условий менялся и характер казачьего труда. Так, например, до первой половины 60-х гг. XIX в. Кубань была краем по преимуществу скотоводческим. За пастьбу овец чабану платили из расчета 10—15 копеек за голову [12, 62]. Зажиточные казаки выгоняли свой скот в коши, в степь. Это место, как правило, находилось в 7—10 верстах от станицы, близ водопоя. Так как кошевыми пастбищами пользовались только состоятельные казаки (бедняки не могли платить пастухам, да и не имели лишнего скота, чтобы послать его в отгон), то фактически нарушалось право каждого на пользование коллективными владениями. Пасли скот поочередно, продукты складывали в общий мешок и питались из общего котла [3, 157].

Для ведения скотоводческого хозяйства требовалось меньше рабочих сил, к тому же формы его более согласовывались с условиями полувоенной жизни. Земледелие в это время было только подсобным занятием и велось крайне примитивными способами. Однако, постепенно земледелие начинает соперничать со скотоводством, оно становится достаточно выгодным в плане трудовой деятельности и большая часть населения переходит к земледельческому труду. Казачьим населением в основном возделывались пшеница, рожь, подсолнух, табак.

Необходимо отметить, что труд казачества в исследуемый период все больше приобретал индивидуалистический характер и даже в рамках коллективного общинного труда характеризовался постепенным отходом от трудовых форм принятых в казачьей общине. Как отмечает В.С. Денискин «дифференциация казачества ускорила процесс разложения общины» [4, 281].

Тем временем, в казачьих областях росла численность населения, как следствие происходило увеличение посевных площадей, однако это никак не решало проблемы

недостатка пахотных земель. Так, по приблизительным данным, в 1873 г. в Кубанской области посевами была занята площадь в 805 тыс. десятин, что на каждую душу составляло чуть более 1 десятины посева. Через 20 лет — в 1893 г. посевная площадь равнялась уже почти 2 млн. десятин, что составило на одну душу 1,26 десятины посева [7,12].

Многие станицы в составе юртовой земли имели лес или неудобную для хлебопашества землю, пахотные угодья часто были отдалены от станицы, иногда до 70 верст. В 1902 г. удобной для хлебопашества землей лучше были обеспечены казаки Кавказского отдела – 11,2 десятины, Ейского – 10,8 десятины. Очень плохо было с землей у казаков Таманского отдела. При наличии 10,9 десятины земли на душу, удобно было всего 7,1 десятины, еще худшим было положение в Екатеринодарском отделе. Всей земли приходилось на душу 8,7 десятины, удобной лишь 6,4 десятины. С годами положение ухудшалось. Кубанское казачество все более остро ощущало нехватку земли [5, 107].

Стремительное сокращение казачьих земельных наделов заставляло войсковое начальство искать пути решения данной проблемы.

По существу, в казачьих областях Юга России медленно но верно распространялась имитация общинного труда, в то время как каждый из участников общины стремился работать на себя и удовлетворять в первую очередь свои все возрастающие материальные потребности. Еще грамотой Екатерины II земли Кубанской области были пожалованы в вечное владение и поступили в общинное пользование казачьих обществ. Несколькими последующими законодательными актами принцип общинности был нарушен, что положило начало частному землевладению, которое вклинивалось в организацию общинного землепользования.

Одним из таких актов, закрепляющим частную собственность на землю, стало положение от 1842 г., согласно которому устанавливалась градация, предоставляющая различным чинам казачьего войска право захвата фиксированного надела земли в частную собственность. Для нижних чинов предусматривался надел в 30 десятин, для офицеров — до 400 десятин [7, 6]. Однако, тогда на владение землей представителями неказачьего сословия был наложен ряд ограничений. По существу начало частному землевладению было положено новым высочайшим указом от 21 июня 1861 г. и положением 1861 г., на основании которых семействам офицеров и казаков, изъявившим согласие переселиться в Закубанский край, были дарованы земельные участки в Екатеринодарском, Майкопском и Таманском отделах.

Постепенно, даже в рамках общинной казачьей организации, в которой были все еще сильны коллективистские тенденции, все большее распространение получали индивидуальные формы трудовой деятельности, но, правда, при сохранении все еще сильных общинных начал. Так, нередко вся общинная земля разбивалась на паи, но сенокосные угодья не разделялись, распашная земля особо подразделялась на полосы, и в каждой полосе каждому пайщику предоставлялась доля, которая определялась жеребьевкой, причем каждый вынимал столько жребиев, на сколько полос разбита земля.

Затем распределялись уже полученные участки, после чего их индивидуально обрабатывали, пользуясь продукцией произведенных на них самостоятельно. Зачастую при распределении земельных наделов возникали различного рода споры и непредвиденные случаи. Так, например, в положении «О зачислении в войсковое сословие разного рода лиц Кавказского отдела от 1901 г.» сообщалось, что «в 1863 г. казак ст. Казанской Михаил Иванович Ловлин с семейством был назначен по жребию к переселению на правую линию. Вместо себя он нашел казака Феоктиста Сотникова.

У него еще и сын (1 год). Тот переехал, а мать Сотникова и сестры Анна и Акимина остались жить в отцовском доме. Однако их вместе с уехавшим исключили из списков ст. Казанской, в ст. Кубанской Майкопского отдела мать и сестер не вписали. После отъезда Феоктиста они продолжали жить в ст. Казанской, но земли не получали. Сейчас Акимине 66 лет, больна мать и сестра умерла. Просит дать ей пай, т.к. нет средств к существованию. Проведено расследование, Акимину зачислить как поденную жительницу снова в списки ст. Казанской, чтобы дать землю».

Следствием данного порядка распределения земель стал по существу индивидуальный труд, и все больше казачьих хозяйств принимало участие в товарном обмене. В то же время существенно сокращались земельные наделы большинства казаков. Так, например, в Кубанской области первоначальные нормы наделения землей колебались в размерах от 16 до 30 десятин на мужскую душу, но в дальнейшем, благодаря захвату земель в собственность и увеличению численности казачества, паевое довольствие значительно сократилось. Впоследствии на душу мужского войскового сословия уже приходилось в среднем 10,4 десятины, а колебалась величина пая от 9,3 до 15,6 десятин. Необходимо отметить, что среди казачьих войск Российской империи это был один из самых маленьких наделов [11, 398].

Эта тенденция обрела устойчивость, и с конца XIX до начала XX вв. только усилилась. Так, к 1917 г. земельный пай кубанского казака составлял в среднем по области 7,6 дес. удобной земли, или 14,4 дес. на двор. Но в некоторых станицах, например, в Ахметовской, Баракаевской, Севастопольской, приходилось всего 2/3 дес. на душу. Еще хуже было обеспечено землей коренное крестьянство. В среднем на двор приходилось 12,6 дес., что равнялось 4,1 дес. земли на одну мужскую душу. Совсем незначительными были наделы у горских народов Кубани. Незавидным было положение иногороднего крестьянства. Не имевшее права на землю, оно не только было вынуждено арендовать ее или батрачить, но и платить станичному обществу посаженную плату за право проживания на ней [1, 38].

Основной целью трудовой деятельности казачества в пореформенный период стало удовлетворение собственных нужд, а не нужд всего сообщества, казачьей общины в целом. Все это приводило к появлению новых форм хозяйственных взаимоотношений, постепенному устранению архаичных форм ведения хозяйства, распространению появившихся за последнее время новых технологий аграрного производства, современных навыков земледельческого дела. В казачьих областях интенсивно развивались молочное животноводство, товарное скотоводство и другие высокотоварные отрасли сельского хозяйства (например, табаководство). Расширилась сеть стационарных торговых пунктов. Число магазинов, лавок, питейных заведений растет не только в городах, но и в крупных казачьих станицах.

Постепенно уходили в прошлое самые древние формы казачьего труда и способы распределения его результатов. В значительной мере это объяснялось общим развитием производственных отношений, техническими новшествами, появившимися в пореформенный период. Все шире распространялись современные эффективные способы трудовой деятельности. «В местное население начинает проникать сознание необходимости лучшей обработки полей и наряду с букером теперь зачастую попадают уже однолемешные, более прочной конструкции плуги, которыми пропахивают поля под зябрь, т.е. к весеннему севу, а иногда и перед посевом озимыми [2, 318].

«В тех местностях России, где не было крепостного права, где за земледелие брался всецело или главным образом свободный крестьянин (например, в заселявшихся после реформы степях Заволжья, Новороссии, Северного Кавказа), развитие производительных сил и развитие капитализма шло несравненно быстрее, чем в об-

ремененном пережитками крепостничества центре» [8, 61].

В конце XIX – начале XX в. в регионе шло развитие промышленности, новой инфраструктуры, что втягивало сельскохозяйственные районы края в сферу капиталистического рынка и товарного обращения, увеличивая товарное земледелие. В свою очередь, становление рыночных, капиталистических отношений на быстро развивающемся российском Юге вызывало появление новых форм труда в казачьих хозяйствах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Величко Е.В. Земельный вопрос на Кубани в 1917-1919 гг. (анализ закона от 2 сентября 1919 г.) // Кубанское казачество: Три века исторического пути. Краснодар, 1998.
2. Городецкий Б.М. Крестьянское землевладение и землеустроительные работы в Таманском отделе // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1916. Т. 20.
3. Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица Терек накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Грозный, 1972.
4. Денискин В.И. О землепользовании в терском казачьем войске во второй половине XIX в. ИЧИННИ, Т. IX, ч. I. вып. I. Грозный, 1972.
5. Дубровин С.М. Сельское хозяйство и производство России в период империализма. М., 1975.
6. Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVII-XX вв.).
7. Ладоха Г. Очерки гражданской борьбы на Кубани. Краснодар, 1923.
8. Фадеев А.В. Собрание сочинений. СПб., 1989. Т. 1. Ч. 1.
9. Кубанское казачество. Энциклопедия. Краснодар, 1997.
10. Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска за 1902 год. Екатеринодар, 1903.
11. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1996.
12. Сборник материалов для описания местностей и племени Кавказа (СМОМПК). В. 8. Тифлис, 1889.

N. Acoeva

CHANGING OF COSSAKS' LABOUR CONDITIONS AT THE END OF THE XIX-TH - BEGINNING OF THE XX-TH CENTURIES

Abstract: The problems of formation of capitalist methods of housekeeping and spreading of market relations at the period after the Great reforms having caused significant changes in the character of the Cossack work and psychology of the farmer - cossack in the Cossack regions of South Russia are considered in the article.

Key words: cossack, military service estate, social stratification, modernizational processes